

художник и человек, творец и ремесленник» [2, т. 5, с. 464]. В контрасте с романтическим образом Ибсена-поэта в Стриндберге пронзило Блока его «человеческое лицо». Это сильное впечатление оформлено в поэтике, предвосхищающей поэтику «Розы и Креста»: «Наконец земля — после бесконечного снега, безначального воздуха и огня! (стихи Гаэтана.— И. П.). Навстречу из ложины выходит человек с горькой складкой страданий под жесткими усами, с мужественным взором серых глаз» (Бертран) [2, т. 5, с. 462].

В оформлении идеи новой драмы Блока сыграла роль постановка драмы Кальдерона «Поклонение Кресту» в Териоках 29 июня 1912 г. Накануне, 27 июня, Блок пишет матери: «В Петров день еду смотреть Кальдерона, где Люба не участвует («Поклонение Кресту») (...) Я совсем не знаю Кальдерона, но думаю, что встречу с ним скоро и притом — близко» [2, т. 8, с. 395]. Отзыв о спектакле находим в Дневнике, 29 июня 1912 г.: «Кальдерон 1) в переводе Бальмонта, 2) в исполнении модернистов, 3) с декорациями „более, чем условными“: и ОДНАКО — этот „католический мистицизм“ БЫЛ выражен, как едва ли выразили бы его обыкновенные актеры» [2, т. 7, с. 155]. 25 сентября Блок покупает 2-й и 3-й тома Кальдерона: «т. III и т. II, который у меня летом порвали актеры» [2, т. 7, с. 158]. В библиотеке Блока эти тома сохранились с множеством помет, сделанных, по-видимому, этой же осенью [5, кн. 2, с. 4—6].

В общем восприятии мира и себя в конце 1912 — начале 1913 г. у Блока преобладает *печальное*; это слово звучит лейтмотивом в записях, письмах, статьях, находя художественное выражение в Бертране — рыцаре «*печальном* и *строгом*» (2-я редакция), чья повесть — «*печальна*», чей голос «*глух и печален*»: «*Печальный день*, споры с милой, первый монолог Бертрана...» (Дневник, 25 октября 1912 г.); «*Печальное возвращение домой...*» (Дневник, 11 ноября 1912 г.); «*Франц — усталый, печальный*» (Дневник, 12 ноября 1912 г.); «*Мама — печальная, грустная, ей тяжело*» (Дневник, 20 ноября 1912 г.); «...все они (Мережковские.— И. П.) милые, одинокие, *печальные*»... (Дневник, 25 ноября 1912 г.) и т. п.

2

Сквозная блоковская тема «вочеловечения» получает в драме «Роза и Крест» дальнейшее свое развитие. Мучительная для Блока проблема искусства и жизни, человека и художника разрешается в драме условным разделением этих функций между двумя героями — Бертраном и Гаэтаном, которые по существу являются двойниками, несмотря на их противопоставление. В одном из первоначальных набросков (Второй сюжет) Блок представил своих героев как двойников Гофмана из «Эликсира сатаны» [2, т. 4, с. 456].

Бертран — «мозг и сердце всей пьесы, человек по преимуществу» [2, т. 4, с. 460]. К нему относятся процитированные здесь же строки из стихотворения Тютчева «Два голоса»:

Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец

Полностью это стихотворение приведено в письме к матери от 3 июля 1912 г. [2, т. 8, с. 397]. Несомненна его роль в «очеловечении» образа Бертрана. В первоначальном замысле Бертран, как известно, был «злодеем», «хитрым дьяволом», «коварным другом». Блок принял совет М. И. Терещенко сделать его «умным и смешным» (Дневник, 3 мая 1912 г.) [2, т. 7, с. 142]. Эта подсказка привела Блока к образу «рыцаря бедного» из пушкинских «Сцен из рыцарских времен» (на эти связи указывал еще С. М. Бонди [6, с. 432]) и Рыцаря *Печального* Образа Сервантеса. Вспомним, что Достоевский создает образ «положительно прекрасного» человека также с ориентацией на фигуру Дон-Кихота и делает своего идеального героя более жизненным, наделяя его смешными,